

Гавриил Бужинский
и «общество»:
из истории одной
интеллектуальной
новации петровской
эпохи*

Gavriil Buzhinskiy
and “Commonwealth”:
from the History
of an Intellectual
Innovation of the
Petrine Era

**Александр Александрович
Рогожин**

Орловский музыкальный колледж,
Орел, Россия

Alexander A. Rogozhin

Oryol College of Music,
Oryol, Russia

Резюме

Во второй половине XVII в. в русской политической культуре в качестве эквивалента латинских «res publica» или «civitas» использовалось понятие «гражданство». Одной из примечательных интеллектуальных новаций петровской эпохи стало регулярное использование в качестве эквивалента для латинского «res publica» понятия «общества». Существенную роль в распространении этой практики сыграли выходцы из Киево-Могилянской академии, в первую очередь Гавриил Бужинский, известный проповедник и переводчик первой четверти XVIII в. Нет причин связывать «общество» Гавриила

* Статья написана на основе доклада, прочитанного на конференции «Лояльность, подданство, гражданство: между империей и нацией» (Санкт-Петербург, 4–5 февраля 2021 г.). Автор благодарит профессора А. Б. Каменского за ценные замечания.

Цитирование: Рогожин А. А. Гавриил Бужинский и «общество»: из истории одной интеллектуальной новации петровской эпохи // Slověne. 2022. Vol. 11, № 1. С. 343–361.

Citation: Rogozhin A. A. (2022) Gavriil Buzhinskiy and «Commonwealth»: from the History of an Intellectual Innovation of the Petrine era. *Slověne*, vol. 11, № 1, p. 343–361.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.11.1.14

Бужинского, равно как и в целом политические представления проповедника, исключительно с европейской политической теорией раннего Нового времени. В проповедях Гавриила «общество» интерпретировалось скорее с позиции православного политического богословия. Идеи Гавриила ближе к августинианской версии «*res publica*», нежели к естественно-правовым основаниям, в частности, С. Пуфендорфу. Обращение к последнему в большей степени поверхностно и проистекало из работы Гавриила над переводами его сочинений, нежели из последовательного принятия его идей. В своих проповедях Гавриил Бужинский успешно встроил «общество» в «монархическое правление». «Общество» стало одним из вариантов представления политической общности, наряду с которым в политическом дискурсе петровской эпохи использовались другие интегративные понятия, такие как «Россия» и «отечество». В сравнении с ними «общество» предполагало скорее интеллектуальное постижение реальности и требовало эрудиции для освоения этого типа политических идей. «Общество» могло становиться частью целой идеологической программы, в которой оно генетически связывалось с понятиями «служба», «должность» и, особенно, «общее добро».

Ключевые слова

общество, политическая общность, общее благо, «должность», служба, Августин Блаженный

Abstract

The term "citizenship" was used as an equivalent of the Latin "*res publica*" or "*civitas*" in Russian political culture in the second half of the 17th century. One of the remarkable intellectual innovations of the Petrine era was the regular use of the concept of "commonwealth" as an equivalent for the Latin "*res publica*". An alumni from the Kiev-Mohyla Academy, Gavriil Buzhinskiy, a famous preacher and translator of the first quarter of the 18th century, played a major role in making this practice widespread. There is no reason to associate Gavriil Buzhinskiy's "commonwealth", as well as the political ideas of the preacher in general, exclusively with the Early modern political theory of Europe. In Buzhinskiy's sermons, "commonwealth" was interpreted mainly from the standpoint of Orthodox political theology. Buzhinskiy's ideas are closer to the Augustinian version of "*res publica*" than to natural law foundations, in particular, of S. Pufendorf. The appeal to the latter is more superficial and stems from Gavriil's translation of his works, rather than from logical acceptance of his ideas. In his sermons, Gavriil Buzhinskiy successfully embed "commonwealth" into "monarchical rule". The term "commonwealth" became one of the options for representing a political community, along with which other integrative concepts, such as "Russia" and "fatherland", were used in the political discourse of the Petrine era. In comparison with them, "commonwealth" assumed rather an intellectual comprehension of reality and required erudition to grasp this type of political ideas. "Commonwealth" could become part of a whole ideological program, in which it was intrinsically linked with the concepts of "service", "duty" and, especially, "common good".

Keywords

commonwealth, political community, common good, duty, service, St. Augustine

Противопоставление «государства» и «общества» в Новое время стало распространенным способом описания политической реальности. Тем не менее не стоит игнорировать альтернативные варианты, авторы которых не предпринимали попытки развести эти понятия. Речь идет не о растворении «общества» в «государстве», которое едва ли может дойти до своего предела при любой политической организации [Козловки 1998], но скорее о специфической «оптике», в которой само «политическое» представлялось следствием «сожития» людей ради некой цели. Ревизия наших представлений о «государстве» в петровскую эпоху, предпринятая в последнее время, не обращается к еще одному варианту рефлексии [Ingerflom 2013: 3–19; Idem 2016: 223–243]. Политическая теология, используя традиционные богословские ресурсы, позволяла представить себе «государство» как соединение работающих ради «общего добра» членов. Интеллектуальный путь к выработке этого представления был тернистым, но это не должно приводить к отказу от попыток описать основные этапы эволюции идеи. В ходе этой работы мы попытаемся понять ту роль, которую сыграло понятие «общество» в системе представлений одного из известных проповедников и церковных иерархов петровской и постпетровской эпохи — Гавриила Бужинского.

В интересующем нас контексте до понятия «общества» использовалось понятие «гражданство». В историографии уже подвергалось анализу как понятие «гражданство» [Киселев 2020: 36–48], так и понятие «общество» [Алексеев 1974: 313–317; Дуринова 2015: 68–104; Калугин 2011: 305–394; Каплун 2011: 395–486; Польской 2011: 7–12; Руднев 2009: 194–204]. Преемственность между «гражданством» и «обществом» выразилась в том, что они оба служили переводом для латинского «*res publica*». Среди многочисленных вариантов использования «гражданства» во второй половине XVII в. можно привести перевод третьего тома «*Atlas Novus*» Я. Блау, выполненный старцем Исаей [Казакова 1985: 167; о старце Исае см.: Матвеева 1993: 118–119; Николенкова 2018: 77–91], вирши Симеона Полоцкого «Гражданство» из «Вертограда многоцветного» [Симеон Полоцкий 1996: 227–228]¹, сочинение Сильвестра Медведева «Созерцание краткое...» [ЧОИДР 1894: 16, 94], панегирик Кариона

¹ М. А. Киселев в своей статье предполагает, что вирши «Гражданство» появились благодаря переработке Симеоном Полоцким соответствующего текста Плутарха из антологии Стобия [Киселев 2020: 36–48]. Однако согласно наблюдениям А. Хипписли, стихотворение «Гражданство» основано на статье «*Respublica*» из сборника «*Polianthea*» Й. Ланге. [Симеон Полоцкий 2000: 637–638]. «Общество», появляющееся в названии еще одного стихотворения из «Вертограда многоцветного», передавало оригинальное «*societas*» или же «*civitas*», но не «*res publica*» [Симеон Полоцкий 1999: 638].

Истомина [Богданов 1983: 51, 65]² и пр. Нам представляется, что такой подход к переводу «*res publica*» передавал внешнюю сторону понятия. «*Res publica*» воспринималась как некое соединение людей в одном пространстве, «граде». Такой перевод не слишком способствовал передаче внутренней стороны понятия, сосредоточению внимания на «общем», том, ради чего существовала «*res publica*» и чем она связывалась воедино.

Следующим шагом должен был стать поиск нового эквивалента для «*res publica*», так как в конце XVII — начале XVIII вв. в среде книжников с «гражданством» было прочно связано понятие «*civitas*», а «*societas*» было не слишком востребовано для описания политических реалий [Лексикон трехязычный 1704: л. 78; Магницкий 1703: л. 2об., 176об.].³ Таким образом и появился новый вариант перевода «*res publica*», предложенный киево-могилянскими интеллектуалами — «общество». А.А.Алексеев обратил внимание на одно из ранних использований «общества» в качестве эквивалента «*res publica*»: в декабре 1709 г. была напечатана «Политиколепная апофеосис» — описание триумфальной арки, построенной в Москве в честь Полтавской победы; в нем «*res publica*» последовательно переводилось как «общество» [Алексеев 1974: 314; Руднев 2009: 194–204]. Перевод латинских надписей был выполнен преподавателями Славяно-греко-латинской академии, воспитанниками Киево-Могилянской академии [Быкова, Гуревич 1955: 26–27]. Очевидно, выбор именно «общества» был для них почему-то принципиален. Д. Я. Калугин отмечал, что понятиями с «общ-» описывались «все виды единения, политического и социального партнерства»; они были присущи книжной культуре, часто встречаясь в переводной литературе, причем в Древней Руси превалировали религиозные контексты использования [Калугин 2011: 308–315]. Эти особенности бытования лексем должны были рано или поздно направить писателей и переводчиков в сторону использования «общества» для наименования того или иного вида «соединения» людей, имеющих общий признак.

Исследователями уже отмечалось, что в петровской России «общество» стало использоваться в новом, по сути, не свойственном ему

² А. П. Богдановым эти стихотворные сочинения опубликованы как первая и вторая редакции панегирика царевне Софье Алексеевне «Книга, желательно приветство мудрости», тогда как, по наблюдениям Л. И. Сазоновой, правильнее говорить о черновых вариантах панегирика Петру Алексеевичу «Вразумление», где сходство обусловлено использованием одних и тех же «словесных блоков» [Сазонова 1993: 148].

³ Тесная связь между интерпретациями «гражданства» Л. Ф. Магницким и Ф. Поликарповым-Орловым вероятно, происходит не только от того, что оба обучались в Славяно-греко-латинской академии, но и от того, что известное предисловие к «Арифметике» могло быть написано последним, в ту пору справщиком Московского печатного двора [Буланин 2004: 483–485].

ранее контексте. Обычно этот факт связывался с распространением в России европейской политической теории, особенно идеи общественного договора, воспринятой благодаря известным политическим сочинениям XVII в., в первую очередь Г. Гроция, Т. Гоббса и особенно С. Пуфендорфа [ibid.: 325–333; Каплун 2011: 470–480]⁴. Нам представляется, что для петровской эпохи такая обусловленность верна лишь отчасти. Писатели и переводчики могли использовать и иной ресурс для интерпретации «общества» как «государства», который естественным путем был «встроен» в процесс их интеллектуального становления в Киево-Могилянской академии. Совпадение с С. Пуфендорфом не было их источником — скорее оно служило подтверждением правильности их выбора. Внешнее родство идей киево-могилянских книжников с европейскими политическими теориями XVII в. могло быть связано с тем, что они основывались на одних и тех же источниках, в первую очередь — на сочинениях античных авторов и Отцов Церкви. Мы предлагаем обратить внимание на богословскую подоплеку того вида общности, который описывал Гавриил Бужинский.

Гавриил прошел по традиционному для украинских клириков в конце XVII — начале XVIII в. пути. Он отучился в Киево-Могилянской академии, после чего в 1706 или 1707 г. стал преподавать в Славяно-греко-латинской академии, вероятно, по приглашению митрополита рязанского Стефана Яворского. Вскоре после принятия пострига в Заиконоспасском монастыре он стал иеромонахом, а в 1714 г., уже будучи префектом академии, был вызван в Санкт-Петербург в Александро-Невский монастырь, где стал обер-иеромонахом флота. С появлением Святейшего Синода, Гавриил — к тому времени уже известный проповедник — был включен в его состав в качестве советника, с введением в сан архимандрита Ипатьевского монастыря. В том же 1721 г. он был назначен «протектором» синодальных училищ и типографий, исполняющим поручения Петра I и Синода [Бегунов 1988: 128–129; Бландов 2013: 8–24]. Судя по этим отрывочным биографическим сведениям, Петр I ценил Гавриила, а члены Синода считали эрудированным и исполнительным служителем.

⁴ Традиционная точка зрения на петровских идеологов как проводников естественно-правовых идей раннего Нового времени распространяется и на Гавриила Бужинского. В частности, Ю. К. Бегунов считал, что обер-иеромонах «принадлежал к возглавляемой Феофаном Прокоповичем группе ранних русских просветителей этико-гуманистического направления, разделявших теорию “естественного права” Г. Гроция, Дж. Гоббса, С. Пуфендорфа и идею “просвещенного абсолютизма”» [Бегунов 1988: 128–129]. Некоторая переоценка роли европейских источников в петровской идеологии пока затронула лишь Феофана Прокоповича (см. о «политическом богословии» последнего: [Бугров, Киселев 2016: 68–82]).

Эрудиция Гавриила предполагала знакомство и с аристотелевскими понятиями, но «общество» представлялось ему в свете идей патристики. Бл. Августин в поисках ответа на вопрос о причинах политического соединения людей сосредотачивал внимание на «порче» природы человека после грехопадения и постоянной передаче вины потомкам Адама. Испорченная природа вела человечество по пути греха и преступлений. Опасности, которым подвергался человек, в первую очередь от себе подобных, привели его к идеи «сожития» и политической власти, из которых и выросло «государство» [Markus 1970: 203–206]. Вряд ли можно говорить о совершенной неизвестности сочинений Бл. Августина на Руси [Петривляк 2001: 109–113], однако его труды не были частью повседневного чтения древнерусского книжника [Грицевская 2012: 48–68]. Ограниченное бытование такого необычного памятника русской книжной культуры, как «Книга святого Августина», лишь подчеркивало отсутствие традиции переводов сочинений епископа Гиппона вплоть до второй половины XVII в. [Калугин 2002: 108–163]. Только с приглашением в Москву юго-западнорусских книжников к подобным переводам стали относиться с большим вниманием [Ibid.: 137–138]. Однако с идеями Бл. Августина в оригинальном воплощении русская культура до конца XVII в. по сути не встречалась. Более того, православной традиции присуще представление о грехе Адама как событии, которое не привело к «трансляции» вины за грехопадение следующим поколениям [Корзо 1999: 9–15; о разнице в трактовке в западной и восточной традициях см.: Мейендорф 2013: 250–258; ср. Капилупи 2011: 150–159; Кикин 2016: 59–73; Максудов 2005: 115–119]⁵. Это несколько разнится с восприятием грехопадения в юго-западнорусской среде, которая отличалась большей восприимчивостью к августинианству [Корзо 1999: 33–38, 45–47. См. также: Дмитриев 2017: 154–175; Корзо 1998: 56–69].

Не распространяясь подробно об антропологии в версии Гавриила Бужинского, можно отметить, что его представления, несмотря на противоречивость, ближе к традиционной православной точке зрения, не отрицавшей «порчу» человеческой природы после грехопадения [Гавриил Бужинский 1901: 18, 24, 41; ср. 309, 583–584]. Отсюда и стоит вести разговор о специфическом видении «государства» Гавриилом. Оно предстает «общим делом» всех членов, «res publica» — или «обществом». Синонимичность «общества» и «государства» обрело свое наиболее известное воплощение в выполненном в 1718 г. Гавриилом переводе «Введения в историю европейскую» С. Пуфендорфа. Переводчик не только последовательно использовал «общество» для латинского

⁵ См. об этом в связи с «Евангелием Учительным» Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого: [Опарина 1998: 162–173].

«res publica», но и расставил все точки над і в собственноручно написанном введении: «Правление Государств или обществ есть троиственное: Монархия, Аристократия и Димократия» [Пуфендорф 1718: 10]. Однако проповеди Гавриила позволяют проследить развитие такого понимания «общества», отметив в нем не только и не столько пуфендорфовское начало, сколько совершенно иные источники. Благодаря им у нас появляется возможность проверить гипотезу о богословских истоках такого употребления «общества» и фоновой роли раннеמודерных политических представлений.

«Общество» появилось уже в первой известной нам проповеди Гавриила. Это была проповедь «В неделю Блуднаго сына и на память св. Феодора Тирона», относящаяся, вероятно, к 1717 г.⁶ В ней несколько раз упоминалось «общество», судя по всему, в качестве эквивалента слова «государство». Однако оно описывалось не как автономная политическая единица, а исключительно в духе античной «res publica»: в частности, людей, «расточающих имения своя», не просто опасаются, но их «общества моровым воздухом нарицают, безразумными, юродами везде называют»⁷. «Общество» здесь, очевидно, представляет собой некое соединение людей.

«Общество» в тексте проповеди тесно связано с «церковью». Некоторые, как писал Гавриил, «силы своя безвременно расточают на ложныя праздности и хвастунства, иже являются силныи при питиях единых, а не в ползу общества, не в ползу Церкви себе и ближним...» [Гавриил Бужинский 1901: 10]. Здесь проповедник словно бы оставлял альтернативу, кому можно служить, но со временем такая дихотомия в его проповедях исчезла, и речь шла, как правило, о службе «обществу», а не «церкви».

В проповеди Гавриила на праздник Входа Господня в Иерусалим, прочитанной в Санкт-Петербурге в апреле 1717 г., выстраивалась уже своего рода иерархия, которую составляли церковь, «общества», «грады» и «дома уединенные». Это был путь от «Града Божьего» (Церкви),

⁶ В рукописи проповедей Гавриила утрачены первые листы, поэтому точно датировать ее невозможно. Однако публикатор рукописи Е. Петухов считал, что она представляет строго хронологически выстроенный сборник проповедей исключительно петербургского периода, соответственно, проповедь «В неделю Блуднаго сына и на память св. Феодора Тирона» не могла быть произнесена ранее начала 1717 г. (пока Гавриил все еще был префектом Славяно-греко-латинской академии в Москве) и позднее апреля этого же года, так как под 14 апреля была записана следующая проповедь. В связи с этим Е. Петухов предполагал, что проповедь могла быть произнесена 17 февраля 1717 г., когда празднуется память Св. Феодора Тирона [Гавриил Бужинский 1901: 1]. Версия Е. Петухова наиболее вероятна, хотя стоит уточнить, что в Санкт-Петербурге Гавриил мог бывать и в начале 1715, и в начале 1716 г. [Бландов 2013:11]

⁷ Все цитаты даются в современной орфографии.

к «Граду земному» (государству или «*res publica*»), далее — к отдельному «*urbs*» («граду»), и, наконец, к семье, «*familia*» («дома уединенные») [Ibid.: 26]. «Обществ» могло быть много, как и в реальности, но истинная Церковь была исключительно одна, что лишней раз подчеркивает ее единственное число в этом перечислении. Такая иерархия изначально была связана с аристотелевской версией «политического», которая строилась по точно такому же принципу, только в обратном порядке — но, естественно, не предполагала ничего подобного «Церкви». Этот прием использовался впоследствии стоиками, Цицероном, ранними христианскими авторами и, наконец, был распространен у схоластов [Ридель 2014: 106–108]. Бл. Августин в труде «О Граде Божиим» шел точно по такому же пути от семьи через «град» к «государственному союзу», «*orbis terrae*», назвав его третьей степенью «человеческого общения», «*societatis humana*» [О Граде Божиим, 19:7]. Для Бл. Августина в идеале все эти способы соединения людей должна исключить высшая ступень человеческого «сожития», а именно «*ecclesia*», Церковь, которая часто именовалась «*civitas Dei*» или «*civitas Christi*» [Елифанова 2012: 116–132; Рассадин 2016: 147–154].

В проповеди Гавриила воспроизводилась та же иерархия, и на вершину он, так же как и Бл. Августин, поставил не некое «беспредельное общество», а Церковь. Очевидно, именно ее он считал идеалом соединения людей, некой духовной общностью, высшей ступенью развития социальности [Корзо 1999: 140].

Впоследствии связь между сочинениями епископа Гиппона и политическими представлениями Гавриила стала еще прозрачнее. Бл. Августин в труде «О Граде Божиим» спорил с предшественниками, в том числе и с Цицероном. Он отрицал саму ценность «гражданских добродетелей» республиканизма и цицероновскую интерпретацию «*res publica*» [О Граде Божиим, 2:21; см. также: Kempshall 2001: 99–135]. В неиспорченном состоянии в раю Адаму не требовалась какая-либо власть над кем-либо. Политическая власть сродни рабству, основана на господстве и подчинении и проявилась исключительно из-за греховности человека [О Граде Божиим, 19:15; см. также: Markus 1970: 95]. Однако Бл. Августин не отбрасывал в сторону античную идею «*res publica*», он признавал, что основой существования «града», так же как и семьи, было «упорядоченное согласие», только в первом случае «относительно повеления и повиновения между гражданами» [О Граде Божиим, 19:16, см. также Markus 1970: 73–76]. Но, споря с Цицероном, Бл. Августин отрицал тот факт, что в Риме вообще была «*res publica*»: в Риме не было справедливости, а без истинной справедливости не могло существовать и права [О Граде Божиим, 19:21]. Цицероновская дефиниция при такой

постановке вопроса рассыпалась, так как исчезал «народ», потерявший свою опору в «согласии в вопросах права». Бл. Августин считал, что «народ» появлялся лишь тогда, когда он соединен «общностью вещей», которые он любит. Таким образом, в августинианской версии не право или общность интересов, а любовь была той основой, которая превращала собрание людей в народ и, следовательно, рождала истинную «*res publica*» [о политических представлениях Бл. Августина см.: Markus 1970: 72–104, 197–210; Weithman 2006: 234–252. См. о рецепции Августина в схоластике: Markus 1970: 211–230].

Представления Гавриила об «обществе» явно подпитывались августинианскими идеями. В «Ключе дома Давидова» он повторил мнение Бл. Августина о различных науках, которые проистекали от «Слова Божия». В том числе в нем «похвалное политическое к сохранению царствий и обществ содержит наставление, ибо ничимже тако утверждаются и сохраняются царствия, яко основанием и союзом веры и твердаго согласия, егда об общем добре всяк помышляет и о оном тщится» [Гавриил Бужинский 1901: 365]. Здесь отрывок из письма Бл. Августина Волюзиану достаточно точно процитирован, хотя оригинальная «*res publica*» превратилась в «царствия и общества» [PL, 33: 524, Cap. V]. Тем не менее, в качестве оснований «царствий и обществ» присутствуют все три элемента: вера, «согласие» и «общее добро» («*fide*», «*concordia*» и «*bonum commune*»). Очевидно, «*concordia*» была тем самым «согласием», заменившим цicerоновский «*consensus*» в дефиниции истинной «*res publica*». Гавриил, в библиотеке которого было целых «шесть томов Августиновых книг» [Описание документов и дел, 11: 833], вероятно, мог сознательно использовать это пересечение с соответствующим отрывком из труда «О Граде Божиим».

Тщательный выбор соответствий для перевода латинского оригинала позволяет нам прояснить интерпретацию «общества» Гавриилом. Как показывает Л. Довга, для киевских интеллектуалов, органически связанных с Киево-Могилянской академией, понятия «благо» и «добро» в церковнославянском языке использовались в различных контекстах, хотя оба служили переводом латинского «*bonum*». Они работали в оппозиции сакральное–профанное, где «благо» использовалось в текстах, в которых говорилось о Боге, тогда как «добро» встречалось скорее в «светском» контексте [Dovga 2017: 98–106. См. также: Довга 2016: 132–143; Довга, Олішук 2016: 113–132; Dovga 2018: 1–44]. Соответственно, в текстах бывших воспитанников или преподавателей Киево-Могилянской академии для «политических вопросов», когда нужно было подчеркнуть общую заинтересованность правителя и подданных, приоритет имело «общее добро», а не «общее благо». С одной стороны, выбор Гавриила подчер-

кивал светское назначение «общества», которое основывалось людьми, а с другой — сама сущность источника (письмо Отца Церкви) сохраняла религиозные истоки этого с виду абсолютно секулярного видения.

Четкую стратегию использования «общества» в проповедях Гавриила можно проследить и далее.

По следующим проповедям отчетливо видно, что Гавриил использовал «общество» тогда, когда ему необходимо было заострить внимание именно на людях, их связях, их «должностях». Синонимичное «обществу» «государство» в переводе «Введения в историю европейскую» не годилось для передачи некоторых интеллектуальных построений, потому что, вероятно, ассоциировалось с неким «владением» государя, но никак не с соединением людей или подданными правителя [Золтан 2014: 64–67; Хархордин 2011: 8–75; см. также: Ingerflom 2013: 3–19]. Поэтому, когда Гавриилу нужно было разъяснить, что появление на свет наследника было радостью не только для его родителей, но и для всех подданных, он использовал именно понятие «общество», а не «государство». В своем «Слове похвальном на Рождение Государя Царевича и великого князя Петра Петровича», произнесенном в октябре 1717 г. в присутствии самого Петра I, Екатерины и петербургской правящей элиты, он писал: «Аще бо великое всем родителям благополучие и утешение чада, колми паче царственному Дому, ибо в сих никогдаже пресекается наследие, и иже родителем и всему обществу вечнующее обещают радование, иже не себе, но обществу радуются. Великое то ест дело — родити сына обществу, по себе оставити своих добродетелей наследника» [Гавриил Бужинский 1901: 97–98].

На протяжении всей этой проповеди Гавриил связывал понятие «общество» напрямую с «отечеством». На вопрос «кое же веселие от сего [царевича Петра], иже родися всему Российскому отечеству?» он сам же и отвечал: «Родися отцу венец старости, родися матери радование неизглаголанное, родися России благополучие несказанное» [Ibid.: 86]. Признавая частные радости венценосных родителей, Гавриил сосредотачивал внимание на важности рождения наследника престола для всего «общества»: «сие благополучие общее такожде всего есть ро-сейскаго народа, ибо благополучие монаршего Дома есть общее всего народа утешение» [Ibid.: 87]. В этом сочетании рождение наследника превращалось в разновидность «служения» монарха «общему добру», ради которого он должен был подготовить достойного преемника. В использованной Гавриилом истории о персидском царе Камбизе особенно красноречив вывод, согласно которому «превеличайшую заслугу сию пред обществом быти, аще не токмо сам премудр, искусен явишися, но подобнаго тебе сына родиши и воспитаеши отечеству» [Ibid.: 98].

Оставаться членом «общества» было не просто правом, но и «должностью» человека. При нарушении правил «общежителства» люди должны были исключаться из него, для чего нужна «гражданская власть». Об этом Гавриил писал в отрывке проповеди, посвященном «справедливой войне», которая «от самага Бога тогда начинается, егда властитель за честь Божию и государство свое оную начинает» [Ibid.: 338]. Гавриил спорил с людьми, которые «укоризны своя на брань многими книгами и великими волюмина написаша». Эти люди не просто «от Церкви Божией еретиками именованны и прокляты», но и «от власти гражданской недостойны добрых людей сожителства и дружества вменени» [Ibid.: 339]. Интересы же «общества» и основы его существования могут не совпадать с интересами частных персон. Оппоненты-еретики, с которыми спорил Гавриил, отрицали саму возможность «справедливой войны», ссылаясь на текст Евангелия от Матфея. Гавриил же говорил о разделении «приватного» и «публичного», так как «сия словеса приватных человек любовления врагов своих приватных же, егда человек человеку враг, зла желает, обиди творит, на славе и имении разоряет поучают», но совершенно неприемлемы для правителя, отстаивающего не свои «партикулярные» интересы, «ниже начальником на общих всего государства врагов брань творити возбраняют» [Ibid.: 341–342]. Далее он еще четче формулировал эту мысль: «О собственных убо приватных и партикулярных врагов любовлении, а не о вразех всего общества разумети подобает» [Ibid.: 342].

Наиболее примечательный отрывок об истоках «общества» можно найти в одной из самых известных проповедей Гавриила — в «Слове о победе, полученной у Ангута галерами», произнесенной в Троицком соборе Санкт-Петербурга в 1720 г. В нем Гавриил ссылался на Цицерона:

Было, глаголет Цицерон, иногда такое время, егда людие зверским образом уединенно, без градов и обществ, житие провождали, но понеже безчисленные терпяку от своевольных и к разбоям приобиклих людей обыди, не хотящих труждатися, но чуждыми трудами токмо хотящих жити, мудрых неких советом снисдошася и противу сицевых уставивша гради и общества таковых насилствия воспящати, и егда единственно никтоже можаше со своею дворнею таковым насилником сопротивитися, общественный восприяша союз, то обществу таковому кая должность предлежит от нас на его сохранение? [Ibid.: 439].

«Общество» появлялось вследствие соглашения людей, ставивших отныне интересы «сожития» выше интересов отдельных персон.

Однако перед нами скорее парафраз фрагмента из «Введения в историю европейскую» С. Пуфендорфа, над переводом которого за несколько лет до этого Гавриил работал [Пуфендорф 1718: 1–2]. Вероятно,

он наиболее полно отражал его представления об «обществе». С. Пуфендорф, будучи протестантом, в своем тексте подчеркивал истоки «беззакония», связывая его — в соответствии с августинианской традицией — с тем, что после согрешения Адама «в естестве нашем корень зла всеянный, тако ныне, яко и прежде потопа равно силу свою производит» [Пуфендорф 1718: 1]. Гавриил использовал перевод отрывка из сочинения С. Пуфендорфа, но обозначил в качестве его автора Цицерона, так как к 1720 г. упоминать Пуфендорфа в проповеди стало затруднительно ([См. о переводе «Введения в историю европейскую...»: Чистович 1868: 329]). Однако, даже отыскав источник этого фрагмента в сочинении С. Пуфендорфа, стоит признать, что Гавриил по-прежнему далек от раннеמודерного секулярного видения государства. Трактовка С. Пуфендорфа даже во «Введении в историю европейскую» предполагала не только появление «содружества» людей, но и выбор «начальства» для решения споров и предотвращения ссор и насилия [Пуфендорф 1718: 1–2; см. также: Марей 2020: 14–18]. Бог проявлял себя опосредованно при появлении гражданского «сожития», но выбор над собой власти был передан исключительно в руки самих людей [Carr, Seidler 1996: 372–376]. В развитии идеи «общества», как она была представлена в проповедях Гавриила, был обозначен принципиальный разрыв с естественно-правовыми идеями раннего Нового времени.

По версии Гавриила, люди создали «грады и общества», а не выбрали над собой власть. Проповедник должен был выверять все основные элементы своих тезисов, потому что он постоянно балансировал между христианской традицией интерпретации власти, наиболее отчетливо представленной в Послании апостола Павла к Римлянам, и ранней версией теории общественного договора. Сам договор в его проповедях не встречался, зато Гавриил подводил к тому, что после того, как люди восприняли «общественный [...] союз», он мог существовать, только если каждый исполнял свою «должность». Далее проповедник выбрал простое игнорирование развития «общества» после соединения его членов, не поясняя, как появляется в этом «обществе» власть (или считая это очевидным). Все, что мы до этого наблюдали в разворачивании его представлений об «обществе», свидетельствовало о предпочтении привычной версии, в которой не люди по собственной потребности выбрали власть, а она была поставлена свыше [Гавриил Бужинский 1901: 501; см. также: Шашхалми 2005: 186–193]. Таким образом, хотя речь не идет о точной рецепции августинианских политических представлений, для Гавриила принципиальны традиционные христианские идеи в основе «общества».

Гавриил ориентировался на августинианскую идею об испорченной природе человека, используя ее для всех последующих полити-

ческих выводов. Версия Пуфендорфа о появлении «общества» была органично связана с этой идеей. Сам выбор понятия «общество» для передачи латинского «res publica» был не случаен, он отражал представление Гавриила о сущности «государства». Здесь уже выстраивалась целая идеологическая программа, которая должна была работать на разных уровнях. «Общество» отсылало к соединению людей ради какой-то цели. Ранее этой целью чаще всего в русских текстах выступало Спасение, теперь «общество» отсылало к совместному пути к «общему добру». Но полисемантическую древнерусскую «общество», точнее, его генетическое происхождение из сферы сакральных понятий, могло продолжать вызывать прочные религиозные ассоциации у читателей-интеллектуалов, когда речь шла о гражданской службе и долге перед «государством». Вероятно, Гавриил не просто имел в виду этот второй, «интеллектуальный», уровень, но и рассчитывал на его влияние. Это позволяет поставить под сомнение тезис В. М. Ничик о том, что для Гавриила государство «стоит над обществом и им управляет» [Ничик 1978: 106–107].

В проповедях Гавриила мы встречаем альтернативное видение политической общности, освященное религиозными авторитетами. «Общество» Гавриила основывалось на Священном Писании, патристике и частично античном наследии, лишь поверхностно совпадая с элементами политической теории С. Пуфендорфа. «Общество» настраивало читателя на образ государства не как вотчины правителя, населенной его рабами-холопами, и не абстрактной юридической сущности, существующей автономно. Вместо этого появлялся образ «общего дела» и, как следствие, «общего добра», одного из ключевых понятий петровской идеологии. «Общество» создавалось его же «гражданами», сотворялось ими и для их же пользы, правитель же выступал «начальником», пекущимся об «общем добре». Благодаря начавшемуся еще ранее процессу внедрения этого видения в русскую политическую культуру, в начале XVIII в. оно было вполне совместимо с монархией как формой правления, несмотря на первоначальную республиканскую основу. Как свидетельствует дальнейшее развитие политической культуры в России XVIII в., признанным способом представлять государство «общество» не стало.

Библиография

Источники

Издания

Магницкий 1703

[Магницкий Л. Ф.] *Арифметика, сиречь наука числительная. С разных диалектов на славенский язык преведеная, и во едино собрана, и на две книги разделена*, Москва, 1703.

Пуфендорф 1718

[Пуфендорф С.] *Введение в историю европейскую чрез Самуила Пуфендорфия, на немецком языке сложенное, таже чрез Иоанна Фридерика Крамера, на латинский предложено. Ныне же повелением великаго государя царя и великаго князя, Петра Перваго Всероссийскаго Императора, на российский с латинскаго преведенное*, С.-Петербург, 1718.

Лексикон трехязычный 1704

Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских, эллиногреческих и латинских сокровище из различных древних и новых книг собраное и по славенскому алфавиту в чин разположеное, Москва, 1704.

Описание документов и дел, 11

Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго Правительствующаго Синода, 11 (1731 г.), С.-Петербург, 1903.

Богданов 1983

Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века. Литературные панегирики, подг. текста, предисл. и коммент. А. П. Богданова. Москва, 1983.

Гавриил Бужинский 1901

Проповеди Гавриила Бужинского (1717–1727). Историко-литературный материал из эпохи преобразований, Юрьев, 1901.

ЧОИДР 1894

Медведев, Сильвестр, Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве, с пред. и прим. А. А. Прозоровского, *Чтения в Обществе истории и древностей российских*, 4/2, 1894, 1–197.

Симеон Полоцкий 1996

Симеон Полоцкий, *Вертоград многоцветный*, 1: «Аарон» — «Детем благословение», подг. текста, статья и комм. А. Хипписли, Л. И. Сазоновой, Köln, Weimar, Wien, 1996.

Симеон Полоцкий 1999

Симеон Полоцкий, *Вертоград многоцветный*, 2: «Еммануил» — «Почитание 2», подг. текста и комм. А. Хипписли и Л. И. Сазоновой, Köln, Weimar, Wien, 1999.

Симеон Полоцкий 2000

Симеон Полоцкий, *Вертоград многоцветный*, 3: «Прав никто же» — «Епитафион Симеону», подг. текста и комм. А. Хипписли и Л. И. Сазоновой, Köln, Weimar, Wien, 2000.

PL, 33

Epistola CXXXVII. Respondet Augustinus ad singulas quaestiones superius propositas a Volusiano, *Patrologia Latina*, 33, Parisiis, 1865.

О Граде Божиим

Блаженный Августин Аврелий, еп. Иппонийский, *Творения*, 4: *О Граде Божиим*, сост. и подг. С. И. Еремеева. С.-Петербург, Киев, 1998.

Литература

Алексеев 1974

Алексеев А. А., Из истории общественно-политической лексики петровской эпохи, XVIII век, 9: *Проблемы литературного развития в России первой четверти XVIII века*, Ленинград, 1974, 313–317.

Бегунов 1988

Бегунов Ю. К., Бужинский Гавриил Федорович, *Словарь русских писателей XVIII века*, 1: А–И, Ленинград, 1988, 128–129.

Бландов 2013

Бландов А. А., К биографии епископа Гавриила (Бужинского) – проповедника и переводчика первой трети XVIII в., *Христианское чтение*, 1, 2013, 8–24.

Бугров, Киселев 2016

Бугров К. Д., Киселев М. А., *Естественное право и добродетель. Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века*, Екатеринбург, 2016.

Буланин 2004

Буланин Д. М., Магницкий Леонтий Филиппович, *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 3: XVII век, 4, Т–Я, Дополнения, С.-Петербург, 2004, 483–485.

Быкова, Гуревич 1955

Быкова Т. А., Гуревич М. М., сост. *Описание изданий гражданской печати. 1708 – январь 1725 г.*, Москва, Ленинград, 1955.

Грицевская 2012

Грицевская И. М., *Чтение и четьи сборники в русских монастырях XV–XVII вв.*, С.-Петербург, 2012.

Дмитриев 2017

Дмитриев М. В., *Peccatum originale: был ли возможен диалог Московской Руси с августинизмом?, Блаженный Августин и августинизм в западной и восточной традициях*, Москва, 2017, 154–175.

Довга 2016

Довга Л. М., Поняттєвий апарат у дискурсі українських церковних інтелектуалів XVII ст.: до постановки проблеми, *Sententiae*, 1 (34), 2016, 132–143.

Довга, Оліщук 2016

Довга Л. М., Оліщук Р. Л., «Добро» і «благо» в українських текстах першої чверті XVII століття: лексика перекладів, *Sententiae*, 2 (35), 2016, 113–132.

Дуринова 2015

Дуринова Г. В., Темпоральная семантика слова общество (X – первая треть XIX века), *Социологическое обозрение*, 14/1, 2015, 68–104.

Епифанова 2012

Епифанова Т. В., *Человек, общество и государство в политическом учении Августина Блаженного*, Москва, 2012.

Золтан 2014

Золтан А., *Interslavica. Исследования по межславянским языковым и культурным контактам*, Москва, 2014.

Казакова 1985

Казакова Н. А., Русский перевод XVII в. труда Блау «Theatrum Orbis Terrarum sive Atlas Novus», *Вспомогательные исторические дисциплины*, 17, Ленинград, 1985, 161–178.

Калугин 2002

Калугин В. В., «Книга святого Августина» в русской письменности XVI–XIX веков, *Лингвистическое источниковедение и история русского языка: 2001*, Москва, 2002,

108–163.

Калугин 2011

Калугин Д. Я., История понятия «общество» от Средневековья к Новому времени: русский опыт, *От общественному к публичному*, С.-Петербург, 2011, 305–394.

Капилупи 2011

Капилупи С., Концепция первородного греха на Западе и Востоке, *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*, 12/2, 2011, 150–159.

Каплун 2011

Каплун В. Л., Общество до общественности: «общество» и «гражданское общество» в культуре российского Просвещения, *От общественному к публичному*, С.-Петербург, 2011, 395–486.

Кикин 2016

Кикин В. О., Интерпретация слов ап. Павла «в Адаме» из послания к римлянам (5:12) в основных сотериологических теориях русского академического богословия, *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*, 17/2, 2016, 59–73.

Киселев 2020

Киселев М. А., Плутарх при дворе царя. «Гражданство» Симеона Полоцкого и легализм в России накануне петровских реформ, *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*, 73, 2020, 36–48.

Козловски 1998

Козловски П., *Общество и государство: неизбежный дуализм*, Москва, 1998.

Корзо 1998

Корзо М. А., Грех и спасение в католической и православной проповеди Речи Посполитой в XVII в. Попытка сравнения, *Славянский альманах 1997*, Москва, 1998, 56–69.

——— 1999

Корзо М. А., *Образ человека в проповеди XVII века*, Москва, 1999.

Максутов 2005

Максутов И., Учения о первородном грехе в восточном и западном богословии, *Вестник Московского университета, Серия 7: Философия*, 3, 2005, 115–119.

Марей 2020

Марей А. В., «Народ» в политической мысли европейского модерна: Гоббс, Спиноза, Пуфендорф, *Словору: балтийский акцент*, 11/3, 2020, 14–18.

Матвеева 1993

Матвеева Е. Н., Исаяя, *Словарь книжников и книжности Древней Руси, 3: XVII в., 2: И–О*, С.-Петербург, 1993, 118–119.

Мейендорф 2013

Мейендорф И., протопр., Антропология и первородный грех, *Пасхальная тайна. Статьи по богословию*, Москва, 2013, 250–258.

Николенкова 2018

Николенкова Н. В., Переводческая деятельность в московском Чудовом монастыре: новые данные о кружке Епифания Славинецкого, *Вестник Московского университета, Серия 9: Филология*, 6, 2018, 77–91.

Ничик 1978

Ничик В. М., Гавриил Бужинский — русско-украинский мыслитель начала XVIII в., *Идейные связи прогрессивных мыслителей братских народов (XVII–XVIII вв.)*, Киев, 1978.

Опарина 1998

Опарина Т. А., *Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии*, Новосибирск, 1998.

Петривляк 2001

Петривляк Т., Творения Бл. Августина в древнерусской рукописной традиции (XI–XVI вв.), *Verbit*, 3: *Византийское богословие и традиции религиозно-философской мысли в России*, С.-Петербург, 2001, 109–113.

Польской 2011

Польской С. В., От «всенародства» к «публике»: к вопросу о понимании общества в России XVII–XVIII вв., *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*, 13/3, 2011, 7–12.

Рассадин 2016

Рассадин С. В., *Vita socialis* Блаженного Августина: модель для «сборки» христианского сообщества, *Власть*, 9, 2016, 147–154.

Ридель 2014

Ридель М., Общество, гражданское (*Gesellschaft, bürgerliche*), *Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи*, 2, Москва, 2014, 93–219.

Руднев 2009

Руднев Д. В., Изменения в семантической структуре слова общество в русском языке XVIII века, *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*, 3, 2009, 194–204.

Сазонова 1993

Сазонова Л. И., Карин Истомин, *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 3: XVII в., 2: И–О, С.-Петербург, 1993, 140–152.

Хархордин 2011

Хархордин О. В., *Основные понятия российской политики*, Москва, 2011.

Чистович 1868

Чистович И., *Феофан Прокопович и его время*, С.-Петербург, 1868.

Шашхалми 2005

Шашхалми Э., Возникновение идеи общественного договора в официальной идеологии власти в России при Петре I, *Государственность, дипломатия, культура в Центральной и Восточной Европе XI–XVIII веков*, Москва, 2005, 186–193.

Carr, Seidler 1996

Carr C. L., Seidler M. J., Pufendorf, Sociality and the Modern State, *History of Political Thought*, 17/3 (Autumn), 1996, 372–376.

Dovga 2017

Dovga L. M., Philosophical conceptual apparatus formation in Ukrainian literary works of the 17th century: 'dobro' and 'blaho', *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, 33/1, 2017, 98–106.

——— 2018

Dovga L. M., Multiple Types of "The Good" in Hryhorii Skovoroda's Philosophical Discourse: Dobro vs Blaho, *The Linguistics of Vocabulary*, New York, 2018, 1–44.

Ingerflom 2013

Ingerflom C. S., «Loyalty to the State» under Peter the Great? Return to the Sources and the Historicity of Concepts, *Loyalties and Solidarities in Russian Society, History and Culture*, London, 2013, 3–19.

——— 2016

Ingerflom C. S., Theoretical Premises and Cognitive Distortions from the Uncritical Use of the Concept of «State»: the «Russian» Case, *Serve the Power(s), Serve the State: America and Eurasia*, Newcastle, 2016, 223–243.

Kempshall 2001

Kempshall M. S., De Re Publica 1.39 in Medieval and Renaissance Political Thought, *Bulletin of the Institute of Classical Studies*, 45 (76), 2001, 99–135.

Markus 1970

Markus R. A., *Saeculum: History and Society in the Theology of St. Augustine*, Cambridge, 1970.

Weithman 2006

Weithman P., Augustine's Political Philosophy, *The Cambridge Companion to Augustine*, Cambridge, 2006, 234–252.

References

- Alexeev A. A., Iz istorii obshchestvenno-politicheskoi leksiki petrovskoi epokhi, *XVIII vek*, 9: *Problemy literaturnogo razvitiia v Rossii pervoi chetverti XVIII veka*, Leningrad, 1974, 313–317.
- Begunov Iu. K., Buzhinskii Gavriil Fedorovich, *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka*, 1: A–I, Leningrad, 1988, 128–129.
- Blandov A. A., The Biography of Bishop Gavriil Buzhinskiy – A Preacher and Translator of the First Third of the 18th Century, *Christian Reading*, 1, 2013, 8–24.
- Bugrov K. D., Kiselev M. A., *Natural Law and Virtue: The Integration of European Influence into 18th Century Russian Political Culture*, Yekaterinburg, 2016.
- Bulanin D. M., Magnitskii Leontii Filippovich, *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 3: *XVII vek*, 4, T–Ia, *Dopolneniia*, St. Petersburg, 2004, 483–485.
- Bykova T. A., Gurevich M. M., eds., *Opisanie izdaniia grazhdanskoi pečati. 1708 – ianvar' 1725 g.*, Moscow, Leningrad, 1955.
- Capilupi S., Conception of Original Sin in the West and in the East, *Journal of the Russian Christian Academy for the Humanities*, 12/2, 2011, 150–159.
- Carr C. L., Seidler M. J., Pufendorf, Sociality and the Modern State, *History of Political Thought*, 17/3 (Autumn), 1996, 372–376.
- Dmitriev M. V., Peccatum originale: Was there an opportunity for dialogue between Moscovia and Augustinianism?, *Blazhennyi Avgustin i avgustinizm v zapadnoi i vostochnoi traditsiakh*, Moscow, 2017, 154–175.
- Dovga L. M., Multiple Types of "The Good" in Hryhorii Skovoroda's Philosophical Discourse: Dobro vs Blaho, *The Linguistics of Vocabulary*, New York, 2018, 1–44.
- Dovga L. M., Philosophical conceptual apparatus formation in Ukrainian literary works of the 17th century: 'dobro' and 'blaho', *Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 33/1, 2017, 98–106.
- Dovga L. M., The conceptual Apparatus in the Discourse of Ukrainian church Intellectuals of the 17th century: towards the Problem Statement, *Sententiae*, 1 (34), 2016, 132–143.
- Dovga L. M., Olishchuk R. L., "Dobro" and "blaho" in Ukrainian texts of the first quarter of the 17th century: vocabulary translations, *Sententiae*, 2 (35), 2016, 113–132.
- Durinova G. V., Temporal Semantics of the Word "Obshestvo" (11th – Beginning of the 19th Centuries), *Russian Sociological Review*, 14/1, 2015, 68–104.
- Epifanova T. V., *Chelovek, obshchestvo i gosudarstvo v politicheskom uchenii Avgustina Blazhennogo*, Moscow, 2012.
- Gritsevskaya I. M., *Chtenie i chet'i sborniki v russkikh monastyriakh XV–XVII vv.*, St. Petersburg, 2012.
- Ingerflom C. S., «Loyalty to the State» under Peter the Great? Return to the Sources and the Historicity of Concepts, *Loyalties and Solidarities in Russian Society, History and Culture*, London, 2013, 3–19.
- Ingerflom C. S., Theoretical Premises and Cognitive Distortions from the Uncritical Use of the Concept of «State»: the «Russian» Case, *Serve the Power(s). Serve the State: America and Eurasia*, Newcastle, 2016, 223–243.
- Kalugin D. Ya., Istoriya ponyatiya «obshchestvo» ot Srednevekov'ia k Novomu vremeni: russkiy opyt, *Ot obshchestvennomu k publichnomu*, St. Petersburg, 2011, 305–394.
- Kalugin V. V., «Kniga sviatogo Avgustina» v russkoi pis'mennosti XVI–XIX vekov, *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo iazyka: 2001*, Moscow, 2002, 108–163.
- Kaplun V. L., Obshchestvo do obshchestvennosti: «obshchestvo» i «grazhdanskoe obshchestvo» v kul'ture rossiiskogo Prosveshcheniia, *Ot obshchestvennomu k publichnomu*, St. Petersburg, 2011, 395–486.
- Kazakova N. A., Russkii perevod XVII v. truda Blau «Theatrum Orbis Terrarum sive Atlas Novus», *Auxiliary Historical Disciplines*, 17, Leningrad, 1985, 161–178.
- Kempshall M. S., De Re Publica 1.39 in Medieval and Renaissance Political Thought, *Bulletin of the Institute of Classical Studies*, 45 (76), 2001, 99–135.
- Kharkhordin O. V., *Osnovnye poniatiia rossiiskoi politiki*, Moscow, 2011.

Kikin V. O., Interpretation of the Words of St. Pauls 'In Adam' from the Epistle to the Romans (5: 12) in the Basical Soteriological Theories in the Russian Academic Theology, *Journal of the Russian Christian Academy for the Humanities*, 17/2, 2016, 59–73.

Kiselev M. A., Plutarch at the Tsar's Court: Simion Polotsky's "Commonwealth" and Legalism in Russia on the Eve of Reforms of Peter The Great, *Dialogue with Time*, 73, 2020, 36–48.

Korzo M. A., Grekh i spasenie v katolicheskoj i pravoslavnoj propovedi Rechi Pospolitoj v XVII v. Popytka sravneniia, *Slavianskii al'manakh 1997*, Moscow, 1998, 56–69.

Korzo M. A., *Obraz cheloveka v propovedi XVII veka*, Moscow, 1999.

Koslowski P., *Gesellschaft und Staat: Ein unvermeidlicher Dualismus*, Moscow, 1998.

Maksutov I., Ucheniia o pervorodnom grekhe v vostochnom i zapadnom bogoslovii, *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, 3, 2005, 115–119.

Marey A. V., The Concept "People" in the Modern European Political Thought: Hobbes, Spinoza, Pufendorf, *Slovo.ru: Baltic accent*, 11/3, 2020, 14–18.

Markus R. A., *Saeculum: History and Society in the Theology of St. Augustine*, Cambridge, 1970.

Matveeva E. N., Isaiia, *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 3: XVII v., 2: I–O, St. Petersburg, 1993, 118–119.

Meyendorff J., Anthropology and Original Sin, Idem, *Paskhal'naia taina. Stat'i po bogosloviiu*, Moscow, 2013, 250–258.

Nichyk V. M., Gavriil Buzhinskii – rusko-ukrainskii myslitel' nachala XVIII v., *Ideinye svyazi progressivnykh myslitelei bratskikh narodov (XVII–XVIII vv.)*, Kyiv, 1978.

Nikolenkova N. V., Translation Activities at the Moscow Chudov Monastery: New Data on the Cir-

cle of Epiphany Slavinetzky, *Moscow University Philology Bulletin*, 6, 2018, 77–91.

Oparina T. A., *Ivan Nasedka i polemicheskoe bogoslovie kievskoi mitropolii*, Novosibirsk, 1998.

Petrivliak T., Tvoreniia Bl. Avgustina v drevnerusskoi rukopisnoi traditsii (XI–XVI vv.), *Verbum*, 3: *Vizantiiskoe bogoslovie i traditsii religiozno-filosofskoi mysli v Rossii*, St. Petersburg, 2001, 109–113.

Polskoy S. V., From "People" to "Public": on the Understanding of Society in Russia in the XVII–XVIII Centuries., *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 13/3, 2011, 7–12.

Rassadin S. V., Vita socialis of St. Augustine: A Model for the Construction of Christian Community, *Vlast'*, 9, 2016, 147–154.

Riedel M., Gesellschaft, bürgerliche, *Slovar' osnovnykh istoricheskikh poniatii. Izbrannye stat'i*, 2, Moscow, 2014, 93–219.

Rudnev D. V., Changes in the semantic structure of the word "Obshchestvo" in the Russian language of the XVIIIth century, *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, 3, 2009, 194–204.

Sashalmi E., Voznikovenie idei obshchestvennogo dogovora v ofitsial'noi ideologii vlasti v Rossii pri Petre I, *Gosudarstvennost', diplomatiia, kul'tura v Tsentral'noi i Vostochnoi Evrope XI–XVIII vekov*, Moscow, 2005, 186–193.

Sazonova L. I., Karion Istomin, *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 3: XVII v., 2: I–O, St. Petersburg, 1993, 140–152.

Weithman P., Augustine's Political Philosophy, *The Cambridge Companion to Augustine*, Cambridge, 2006, 234–252.

Zoltán A., *Inter-slavica. Issledovaniia po mezhslovianskim iazykovym i kul'turnym kontaktam*, Moscow, 2014.

Александр Александрович Рогожин, кандидат исторических наук,
преподаватель БПОУ ОО «Орловский музыкальный колледж»,
302002, Орел, пл. Мира, 9
Россия / Russia
rogozhin_alexander@bk.ru

Received December 12, 2021